

Южно-Русский союз молодежи: киевские гимназисты- монархисты в годы Революции и Гражданской войны

А. А. Чемакин

Аннотация. Статья посвящена Южно-Русскому союзу молодежи (ЮРСМ) — организации киевских гимназистов, возникшей вскоре после Февральской революции 1917 г. Объединив вокруг себя монархически настроенную русскую молодежь Киева, ЮРСМ в конце апреля 1917 г. организовал демонстрацию, ставшую, возможно, единственным в первые месяцы после отречения Николая II легальным монархическим мероприятием. В статье рассмотрена биография лидера Союза Б. В. Соколова, показаны программные установки ЮРСМ и его отношение к украинскому вопросу, приведены фамилии гимназистов, состоявших в организации. Особое внимание автор уделяет участию членов ЮРСМ в обороне Киева от петлюровцев в конце 1918 г, проводя аналогии между образами киевских гимназистов-монархистов и героями «Белой гвардии» М. А. Булгакова.

Ключевые слова: Южно-Русский союз молодежи, революция 1917 г., Б. В. Соколов, В. В. Шульгин, М. А. Булгаков, «Белая гвардия», монархисты, гимназисты, украинский вопрос, Киев.

Abstract. The focus of the article is the South Russian Youth Union (SRYU) — the organization of Kiev gymnasium pupils, which appeared soon after the February Revolution of 1917. Having united the Kievan youth with monarchist views, in late April 1917 SRYU organized the demonstration, which became, perhaps, the only legal pro-monarch public act during the first months after the abdication of Nicholas II. The article dwells upon the biography of the leader of the Union B. V. Sokolov, the programme of SRYU and its attitude to the Ukrainian question. The names of certain high gymnasium pupils-members of the organization are also mentioned. The author of the article pays particular attention to the involvement of SRYU members in the defence of Kiev against Petliura's troops in late 1918, drawing certain analogies between Kiev gymnasium pupils-monarchists and the characters of M. A. Bulgakov's "White Guard".

Key words: South Russian Youth Union, Revolution of 1917, B. V. Sokolov, V. V. Shulgin, M. A. Bulgakov, "White Guard", monarchists, gymnasium pupils, Ukrainian question, Kiev.

В марте 1917 г. подавляющая часть монархических организаций прекратила свое существование, активисты черносотенных и нацио-

Чемакин Антон Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.chemakin@spbu.ru.

Chemakin Anton A. — candidate of historical sciences, senior lecturer at the Institute of History. St. Petersburg State University. E-mail: a.chemakin@spbu.ru.

налистических партий и союзов были вынуждены или отойти от дел, или уйти в подполье. Это и неудивительно — в первые месяцы после Февральской революции открыто выражать свои монархические взгляды было и непопулярно и, что не менее важно, небезопасно. Но именно в эти дни весны 1917 г. в Киеве, бывшем до революции одним из центров консервативного движения в России, возникает новая организация — Южно-Русский союз молодежи (ЮРСМ), открыто заявившая о своем монархическом характере и вскоре устроившая первую после-революционную (и по всей видимости, единственную в своем роде) легальную монархическую демонстрацию. Эта организация до сегодняшнего дня осталась практически без внимания историков, если не считать небольшого материала киевского краеведа Т. В. Кальченко, основанного на материалах следственного дела одного из членов ЮРСМ ¹, а также научно-популярной статьи автора этих строк и главы из монографии С. В. Машкевича, посвященных монархической демонстрации киевских гимназистов ².

Создание Южно-Русского союза молодежи было следствием тех тенденций, которые наблюдались в среде киевской учащейся молодежи весной 1917 года. Практически сразу же после падения старого режима был создан Центральный представительный комитет средне-учебных заведений города Киева. Печатный орган комитета, «Свободная школа», заявлял, что его политической платформой «будет радикальная программа Временного правительства, та программа, которую приняли всероссийские политические партии от левых националистов до социалистов-революционеров» ³. Несмотря на эту декларацию, в комитете доминировали сторонники эсеров и меньшевиков, и поэтому места для русских националистов, даже самых «прогрессивных», в нем фактически не нашлось. Подобная же ситуация имела место и в объединениях учащихся старших и средних классов гимназий, причем она осложнялась из-за межэтнических конфликтов, характерных для Киева. Учащийся 6-го класса Лесной гимназии А. В. Бинецкий, посетивший собрание инициативной группы 5-х и 6-х классов, вспоминал, что из 12—15 собравшихся только 3 или 4 человека были русскими, а остальные евреями: «Я не был юдофобом, а тем более в те дни, когда юдофобство считалось признаком крайнего невежества и дикой некультурности, однако, сознаюсь, мне это не понравилось» ⁴.

В результате русские гимназисты задумали создать свое собственное объединение. «Группа семиклассников решила организовать в Киеве “Русскую национальную молодежь”, — вспоминал Бинецкий. — В состав этой группы вошли все монархически настроенные гимназии. К таковым нужно было отнести Первую Киевскую т. н. “Императорскую Александровскую гимназию”, Шестую гимназию и гимназию “б[ывшую] Стельмашенко”». Детский писатель Н. Н. Носов, весной 1917 г. — восьмилетний ученик гимназии Стельмашенко — вспоминал, что революция, воспринятая его одноклассниками с ликованием, была понята так, что теперь каждый может делать, что ему хочется, и не делать, чего не хочется: «Коридор быстро заполнялся учениками, выбежавшими из других классов. Все мы с диким визгом, криком и гиканьем ринулись вниз по лестнице, словно лавина с гор, и, выбежав на улицу, приня-

лись рвать в клочья свои тетради, дневники и даже учебники»⁵. На основании воспоминаний Носова киевский краевед М. Б. Кальницкий делает вывод, что, «несмотря на многолетние усилия директора гимназии Стельмашенко, преданность “царю-батюшке” так и не укоренилась в детских умах достаточно глубоко»⁶. Но, вероятно, все было не столь однозначно, и настроения старших классов несколько отличались от тех, что были описаны Носовым — об этом, к примеру, свидетельствует тот же Бинецкий: «Гимназия священника Стельмашенко была одной из многолюдных гимназий в Киеве и отличалась своей крайней реакционностью. Сам директор гимназии, священник Стельмашенко, состоял членом “Союза русского народа” (в действительности он был членом не СРН, а “Русского собрания” и Всероссийского национального союза — А. Ч.). Революционный желудок не мог переварить подобной гимназии, и в первые месяцы революции гимназия была изъята из ведения Стельмашенко и предана группе преподавателей. Однако такие меры не погасили монархического духа воспитанников гимназии, а лишь заставили объединиться и действовать более смело и энергично»⁷. Примечательно то, что директора всех трех указанных гимназий были членами Киевского клуба русских националистов (1-й — Н. В. Стороженко, 6-й — Д. П. Янковский, гимназии Стельмашенко — собственно М. А. Стельмашенко)⁸. 1-я гимназия, кроме всего прочего, была тесно связана с органом прогрессивных русских националистов — газетой «Киевлянин». Именно в ней учились сыновья издателя «Киевлянина» Василия Витальевича Шульгина, а «редакционная молодежь» состояла по большей части из выпускников данной гимназии⁹.

Весной 1917 г. образовалась «Организационная группа русских учащихся средне-учебных заведений г. Киева», впервые проявившая себя в начале апреля во время наводнения, нанесшего серьезный ущерб городу и его жителям. «Наводнение в 1917 году в Киеве было одним из самых сильных, какие только помнят старожилы, — вспоминал Бинецкий. — Вода выступила из берегов и затопила набережную и большую часть Подола. Улицы напоминали каналы, по которым плавали деревянные предметы, утлые лодочки рыбаков и понтоны, в которых сидели солдаты и вылавливали плавающие вещи. 40 тысяч жителей были без крова, т. к. квартиры их были затоплены. Все театры, кинематографы, училища и другие общественные здания были предоставлены бесприютным людям. В эти дни на улицах Подола появилось очень много гимназистов с национальными повязками на рукавах. Они очень деятельно и энергично помогали солдатам вылавливать вещи пострадавших, а также старались поспевать везде и всюду и быть полезным всем, чем только они могли. Эти гимназисты и были представителями национальной группы учащихся»¹⁰.

«Организационная группа» не была однородной. С одной стороны, в ее составе были умеренные (Русский национальный союз) во главе с А. Н. Вадковым, «мальчиком очень вдумчивым и без склонностей к крайностям»¹¹. Они выступали в защиту русской национальной символики, в первую очередь, триколора, и не стремились поднимать вопросы, связанные с формой правления. В противовес им и был создан Южно-Русский союз молодежи, ставший единственной открыто монар-

хической организацией в Киеве. Он не порывал с остальными русскими структурами, участвовал в их мероприятиях, но сразу же занял обособленную позицию.

Основателем и лидером ЮРСМ стал 15-летний учащийся Коллегии Павла Галагана Борис Всеволодович Соколов. Отец его, действительный статский советник Всеволод Фёдорович Соколов, выходец из Новгорода, преподавал латинский язык и работал инспектором школ в польском городе Кельцы (именно там и родился Борис), а затем временно исполнял должность директора 6-й (Киево-Лукьяновской) гимназии. Мать, учительница французского языка Елена Васильевна (урожденная Джурич), предки которой приехали из Герцеговины, выросла в имении на Украине, образование получила в институте благородных девиц в Одессе¹².

Борис Соколов родился 8 июля 1901 года. В 1909—1915 гг. он учился в 6-й гимназии, в которой работал его отец, а затем из-за временного отъезда матери из Киева был переведен в Коллегию Павла Галагана — закрытое средне-учебное заведение-интернат, программа которого соответствовала четырем старшим классам классической гимназии. Если во время пребывания в 6-й гимназии Соколов учился слабо, имея по большинству предметов тройки, но при отличном поведении («Ученик очень способный, но не установившийся. Работает охотно только над тем, что его интересует. Мало активного внимания. Склонен к детским шалостям»), в Коллегии Галагана все кардинально поменялось: по всем предметам у него были только пятерки и четверки, зато поведение стало вызывать серьезные опасения у руководства учебного заведения¹³. Так, к примеру, в сентябре 1917 г. Соколов вместе с другими воспитанниками принял участие в попойке в интернате Коллегии, за что был лишен положенного отпуска. Директор сообщал матери Бориса, что поведение ее сына было особенно дерзким, и обещал удалить его из Коллегии, если он «будет вести себя дурно и после этого проступка»¹⁴. Как писал корреспондент московского «Утра России», посетивший лидера ЮРСМ в мае 1917 г., Борис Соколов «называет себя националистом по наследству; отец его, директор гимназии, теперь умерший, тоже был националистом. Соколов живет с матерью и братом в собственном доме. В его комнате висит портрет Николая [II]. Соколов производит впечатление рано развившегося мальчика, самолюбивого, жаждущего деятельности и не сознающего опасности»¹⁵. Начальник киевской милиции поручик А. Н. Лепарский отмечал, что Соколов — «мальчик 15—16 лет, болезненно-нервный, воинственно настроенный», для него характерны «несколько вызывающая манера держаться и настойчивость, доходившая до резкостей»¹⁶.

Вместе с Борисом активное участие в деятельности ЮРСМ принял и его старший брат Владимир. Екатерина Григорьевна Шульгина, жена В. В. Шульгина, вспоминала, что братья Соколовы были «удивительно упрямые и прямолинейные. Разговаривать с ними было истинным мучением. Переубедить их было почти невозможно. Они никак не хотели стать на ту точку зрения, что выкидывать сейчас монархический лозунг несвоевременно, что нужно строить организации национальные, не останавливаясь на формах правления, что прошлое, как бы оно ни было

священно и дорого, остается прошлым, что надо соединять людей, а не разъединять, и потому стараться сглаживать партийные грани... В разговорах с ними я доходила иногда до неистовства и просто убегала от них или умоляла их пощадить мои силы и нервы и уйти...» Правда, она тут же уточняла, что «упрямство этих юных, но вполне сознательных монархистов, при этом отстаивавших “конституцию” во всей ее полноте, ограничило и совпадало с героизмом и мученичеством»¹⁷.

Председателем ЮРСМ стал Борис Соколов, членами временного президиума — Владимир Соколов, М. Рыска и В. Шутеев. Членами Союза могли быть учащиеся высших, военных, трех старших классов средних учебных заведений, кадетских корпусов, офицеры, вольноопределяющиеся и вообще вся интеллигентная молодежь от 17 до 27 лет христианского вероисповедания. Членами-соревнователями могли быть все лица христианского вероисповедания, «соответствующие программе Союза». Членский взнос составлял 1 руб., запись производилась на квартире Соколовых. На одном из позднейших собраний обсуждался вопрос о допуске в Союз евреев, и было решено принимать представителей всех вероисповеданий за исключением иудейского (таким образом, теоретически еврей-христиане могли вступать в ряды ЮРСМ).

Программа ЮРСМ состояла из 5 пунктов:

«1. Пробуждение и возможно более широкое распространение идей национального русского самосознания.

2. Объединение русской молодежи во имя достижения национальных задач и конституционной монархии.

3. Борьба с сепаратными течениями в среде населения местностей, составляющих основу Русского государства.

4. Посильное содействие Временному правительству в победоносном завершении войны и осуществлении национальных стремлений русского народа.

5. Активная работа на оборону государства и на утверждение основ его».

Было выпущено несколько вариантов воззвания к молодежи. В листовке, напечатанной Союзом, говорилось следующее: «Высоко в древнем Киеве подняли мы наше национальное трехцветное знамя. Дружно объединились мы в борьбе за величие, единство и силу России. Дружно объединились мы на борьбу за истинную свободу великого русского народа. И теперь, когда перед нами стоит грозный признак грядущей анархии, мы призываем всех любящих свою Родину присоединиться к нам, поддержать Южно-Русский союз молодежи в трудной борьбе за великую, единую, свободную Русь. Так проснись, объединяйся, Молодая Русь». В «Киевлянине» было опубликовано другое обращение, написанное в более «революционном» стиле: «Товарищи! Пора объединиться нам, русским! Призываем всех, сочувствующих русской национальной идее, вступать в “Южно-Русский союз молодежи” для дружной, организованной работы на благо Родине. Наше национальное самосознание и чувство подскажут нам верный путь. Так смело за работу!» Показательно, что в том варианте программы ЮРСМ, который был напечатан в «Киевлянине», отсутствовало упоминание про конституционную монархию¹⁸.

Был подготовлен и третий вариант воззвания к русским учащимся, сохранившийся в рукописном варианте: «В великую годину, в годину смуты и разрухи обращаемся мы к вам... Гибнет Родина наша, пораженная в сердце, разрываема на части. Гибнет Святая, Великая Русь!.. Ликующий враг, глубоко вторгнувшийся в наши пределы, радостно взирает на ее гибель, ждет минуты, когда можно будет нанести ей последний удар. Но еще злейший, еще опаснейший враг наносит ей предательские удары, делит на части русскую землю, влечет ее к краю пропасти... И в то время, когда все инородческие племена объединяются вокруг своих знамен, мы, русские, разрознены и подавлены, мы как бы чужие в нашем Отечестве, и здесь, в Матери городов русских, свило себе гнездо отщепенство. Так объединимся же мы, молодые силы Великой России, объединимся вокруг нашего древнего трехцветного стяга, объединимся и создадим сильное поколение борцов за великую Родину, крепкое своим единством, своей верой и любовью к великой России, достойное ее славного прошлого. Пусть Союз наш объединит в себе все молодую Русь, пусть он поддержит колеблющихся и подавленных, ободрит теряющих веру в свою Родину и скажет тем, кто не поколебался в эту трудную минуту, что они не одни!»¹⁹

27 апреля 1917 г. первое общее собрание членов ЮРСМ состоялось в актовом зале 8-й гимназии²⁰, где проводились заседания и других гимназических организаций. 29 апреля прошло еще одно собрание в гимназии Стельмашенко²¹. Именно на нем было принято решение принять участие в запланированной на 30 апреля демонстрации гимназистов под русскими национальными флагами²², причем выступить отдельно, под монархическими лозунгами.

Сотрудники милиции, зная о намерении ЮРСМ, попытались разделить демонстрантов на две колонны, направив монархистов по отдельному маршруту, но из-за общей неразберихи фактически получилось так, что группа Соколова возглавила все шествие. Члены ЮРСМ несли трехцветные флаги, на одном из которых было написано слово «Царь», а также плакаты «Да здравствует конституционная монархия» и «Единая неделимая Русь». Учащиеся гимназии Стельмашенко также принесли знамя своего учебного заведения — трехцветный флаг с двуглавым орлом. Часть публики встречала демонстрантов восторженно, другая же, революционно настроенная, выкрикивала оскорбления в их адрес. К колонне ЮРСМ, по некоторым сведениям, присоединились бывшие деятели Союза русского народа. По мнению поручика Лепарского, монархическая колонна вместе с примкнувшими к гимназистам взрослыми не превышала 200 человек (сам Соколов считал, что в его колонне шло 350 человек²³; по сведениям газеты «Последние новости» в ней было максимум 100—150 человек из 2000 демонстрантов²⁴; местная же польская газета и вовсе утверждала, что монархистов было всего 60²⁵). Когда демонстранты, идущие по Крещатику, стали приближаться к зданию городской думы, на них напали солдаты, попытавшиеся отобрать плакаты, началась драка. В итоге милиции все же удалось прекратить побоище и направить демонстрантов по разным направлениям. Несколько гимназистов были избиты, но плакат с «конституционной монархией» им удалось спасти. День закончился попыткой революционно

настроенных солдат разгромить гимназию Стельмашенко и слухами об убитых во время шествия и готовящемся еврейском погроме²⁶. Кроме того, сразу же после демонстрации монархистов на Михайловской площади состоялся многотысячный митинг протеста с требованием, чтобы Исполнительный комитет «немедленно расследовал это дело, наказал виновных в толкании детей на подобные действия и впредь не допускал таких выступлений»²⁷.

Киевская пресса была взбудоражена и несколько дней писала только о «монархической демонстрации». Большевистская газета «Голос социал-демократа» отмечала, что «Киев искони являлся центром черносотенной агитации», и призывала к решительным мерам: «Мы не позволим монархистам открыто собирать свои силы для борьбы против демократической России, мы не дадим ввести себя в обман лживыми фразами о свободе. Заговорщики против свободы должны быть обезврежены, попытки монархической реставрации должны быть раздавлены в корне»²⁸. Меньшевики требовали найти подстрекателей, спрятавшихся за спины детей: «Черный яд пущен в детские сердца. Кем пущен? Где вдохновители? Они, прежде всего, — в школе. Там свило себе черносотенство прочное гнездо, в котором и сидит спокойно до сих пор. Нужно очистить школу от прислужников царской власти!»²⁹

Е.Г. Шульгина, пытавшаяся перед началом демонстрации отговорить Соколова от использования монархических лозунгов, вспоминала: «Из Киева полетели телеграммы в Москву и Петроград о том, что вот здесь была устроена черносотенная манифестация, которой руководила жена члена Государственной думы и ее Комитета В.В. Шульгина»³⁰. Сам Шульгин, узнавший о демонстрации лишь несколько дней спустя, похвалил «самоотверженную молодежь» за гражданскую отвагу, но попросил не повторять подобных шествий, пока «Россия не вышла из внешней опасности»³¹. Корреспондент московской газеты «Утро России» в связи с произошедшими событиями взял интервью у Бориса Соколова. «Южно-русский союз создан исключительно мною, — сказал Соколов, — он независим и разделяет взгляды “Киевлянина”»; Шульгина совершенно непричастна к манифестации, она просила снять плакат, считая его несвоевременным. В редакции “Киевлянина” очень взволновались, думая, что пропало все русское дело в Киеве. ... Мы выступили, желая показать, что жива национальная идея. Нашлось много сочувствующих, нас засыпали цветами, окружили тесным кольцом». На указание журналиста о том, что могло произойти кровопролитие, Соколов ответил: «Все ужасно боятся контрреволюции; с темными силами я не связан, искренно считаю конституционную монархию желательной, но выступление наше несвоевременно, это тактическая ошибка, которой больше не будет»³².

В середине мая 1917 г. правление Коллегии Галагана, ознакомившись с воззванием ЮРСМ, в котором содержалось предложение записываться в его члены в доме № 7 по Фундуклеевской ул., т.е. непосредственно в здании самой Коллегии, у воспитанника Соколова, постановило сделать Борису выговор за то, что он «без разрешения и ведома педагогического персонала Коллегии позволил себе сделать Коллегию центром какой-то политической организации», и на будущее

запретило воспитанникам создавать политические организации в помещениях учебного заведения³³.

В последующие дни (например, 28 мая) собрания ЮРСМ проводились в гимназии Стельмашенко³⁴, но летом это учебное заведение было передано в ведение города под наименованием «Киевская городская гимназия», и юные монархисты были вынуждены покинуть его. С начала лета и до середины октября 1917 г. (21 и 28 июня, 12 июля и 18 октября) заседания «летнего комитета» ЮРСМ (очевидно, созданного на время каникул из-за отъезда части учащихся из города) и общие собрания проводились на квартире у Соколова на Лукьяновке (Овручская ул., д. 30, кв. 1)³⁵. Со второй половины октября ЮРСМ получил возможность проводить свои заседания в зале Клуба прогрессивных русских националистов (Большая Васильковская ул., д. 14) — именно там состоялись общие собрания 22 и 28 октября³⁶. Сохранился черновой протокол одного из таких собраний, на котором присутствовало 40 человек. В ходе заседания обсуждалось текущее политическое положение, Соколов говорил о необходимости оказывать «посильное содействие твердой власти» и призывал «отстаивать русские национальные задачи». На собрании также обсуждали устав ЮРСМ и издание брошюр, заслушали доклад кассира, путем голосования были избраны комиссии — агитационная, литературная, издательская, лекционная, ревизионная. Из этих протоколов также можно узнать фамилии некоторых членов ЮРСМ по состоянию на октябрь 1917 г.: Карачевский, Зиновьев, Березовский, Ясинский, Житецкий, Грищенко, Рыска, Чеховский, Красовский, Кербер, Шекун, Бруй, Никитин, Гаман, Еленевский, Ивансон, Когутовский, Церерин, Рыбальченко, Новицкий, Данилов, Воронец, Любинский, Клочковский, Якубовский, Юцевич, Лапшин, Ярошевский, Черномор-Задерновский, Лебедев, Кулябко, Гробачевский, Голубчиков, Виноградов, Москвичёв, Левкович, Зиверт. В основном это были ученики 6-х — 8-х классов³⁷. Также показательно то, что подавляющая часть фамилий членов организации, яростно выступавшей против украинского сепаратизма, имела малороссийское происхождение. Некоторое время в списках ЮРСМ значились старшие сыновья В.В. Шульгина Василид и Вениамин, а также племянник Иван Могилевский, но они были вычеркнуты по просьбе Екатерины Шульгиной — видимо, она опасалась, что какая-то очередная самовольная выходка Соколова может нанести политический ущерб ее мужу, наличие же в организации сыновей Шульгина могло стать подарком для враждебно настроенной прессы. Т.В. Кальченко полагает, что приблизительное число членов ЮРСМ составляло около 100 человек³⁸. Если говорить о всем периоде существования Союза и учитывать текучку кадров, вполне можно согласиться с этими подсчетами, хотя, очевидно, количество активистов было меньше — в пределах 40—50 человек.

Летом-осенью 1917 г. работа ЮРСМ сводилась преимущественно к распространению листовок. Члены организации перепечатали открытое письмо В.М. Пуришкевича «Без забрала», причем эта листовка не просто раздавалась, а продавалась по цене 20 копеек³⁹. Возможно, ЮРСМ также имел отношение к распространению обращения архимандрита Виталия (Максименко) «Православному волынскому крестьян-

ству», рукописные копии которого сохранились в архиве организации ⁴⁰. В обращении к солдатам, критиковавшим не только большевиков, но и представителей других социалистических партий, упор делался на то, что «все социалисты — одной партии, одной веры, одного толка. Для них дороже интересы их партий, интерес других народов, чем вы и наша Родина, которая никогда не была и не будет социалистической, а всегда была должна остаться русской». Воззвание призывало солдат слушать не «комитеты» и «советы», а «своих боевых начальников»: «Не за бредни социализма, не по указке подлых немецких шпионов и предателей, не за чуждые вам красные знамена, — а за нашу Святую Веру, за Великую Россию, под реющими знаменами старого Русского Двуглавого Орла и под благословляющей Десницей Бога — вперед, Русские Воины» ⁴¹. Члены организации не ограничивались только словами, некоторые из ее старших членов поступили в действующую армию. Так, например, Владимир Соколов записался вольноопределяющимся в 449-й Харьковский пехотный полк, в котором служил до начала 1918 года ⁴².

В начале августа 1917 г. ЮРСМ присоединился к протесту В.В. Шульгина против украинизации, направив в редакцию «Киевлянина» свое заявление, подписанное Б.В. Соколовым: «... Украинизация является преступлением против всей русской истории и русского народа. Русский народ, веками стремившийся к объединению и ради этого соединения проливший немало крови своей и затративший немало сил, имеет неотъемлемое право сам решить свою судьбу и судьбу всей России на Учредительном собрании. Бездействие правительства доказывает полнейшее непонимание всей русской истории, настоящих стремлений Южной Руси и насущных нужд ее населения. Мы выражаем надежду, что кровавые события последних дней (имеется в виду выступление полуботковцев, а также перестрелка украинских солдат с русскими кирасирами на станции Пост-Волынский. — *А. Ч.*), как нельзя лучше характеризующие сущность так называемого украинства, отрезвят, наконец, всех, у кого остались еще какие-нибудь иллюзии о нем. Взаимная ненависть между двумя ветвями великого русского народа и братоубийственная война — это то, к чему стремится украинская Центральная рада» ⁴³.

К осени 1917 г. в деятельности ЮРСМ произошел некоторый спад. На одном из собраний Борис Соколов обратился к соратникам с речью, упрекая их за отсутствие активности: «Господа, вспомните собрание 29 апреля в гимн[азии] Ст[ельмашенко], когда решался вопрос, идти ли с плакат[ом] конст[итуционной] монар[хии] или нет. Кто был там, тот никогда не забудет его. Там мы были дружны, организованны. Там мы слились в одно целое... Но вот прошло полгода, и я с грустью замечаю, что многие охладели к нашему великому делу. Начатая дружная работа колеблется, одно потрясение — и все падет к ногам наших политических противников. Здесь много говорят и будут говорить о реорганизации Союза, расширении его деятельности, но поймите же, для этой работы нужна почва, почва здоровая, а у нас под ногами трясина. Мы перепрыгиваем с кочки на кочку, рискуя в любую минуту провалиться. Где у нас сплоченность — ее нет, где люди, которые предпочитают заняться делом и работать на пользу Союза — их мало. Такое положение долго

тянуться не может, и я обращаюсь к вам с горячим призывом: работайте, пропагандируйте идеи Союза, привлекайте в Союз молодежь, взрослых людей, людей, которым наши идеи дороже всего, иначе мы будем сидеть у разбитого корыта и горько рыдать, но будет поздно. Теперь вы можете доказать свою дружную работу, и я думаю, что мы сейчас, после заседания, пойдем в районы и будем агитировать за список № 8»⁴⁴. Под № 8 на выборах во Всероссийское Учредительное собрание шел список Внепартийного блока русских избирателей (ВБРИ) во главе с В. В. Шульгиным⁴⁵. Видимо, слова Соколова оказали воздействие на его соратников, и члены ЮРСМ приняли активное участие в предвыборной агитации. Гимназист А. В. Бинецкий вспоминал: «Осенью в Киеве происходили выборы в Учредительное собрание, и учащаяся молодежь деятельно агитировала за те или другие партии. ... Я помню, как были избиты до полусмерти два моих товарища по гимназии, которые агитировали за “Внепартийный блок” Шульгина»⁴⁶. ВБРИ смог получить большинство голосов киевлян (без учета приписанных к городским участками военнослужащих), но в деревнях агитации за «русский список» практически не было, и Шульгин не прошел в Учредительное собрание.

Кроме агитации за ВБРИ некоторые из членов ЮРСМ принимали участие в подпольной работе в интересах формировавшейся на Дону Добровольческой армии. Тот же Бинецкий вспоминал, что на одном из собраний «национальной группы учащихся г. Киева» к нему подошел его старый приятель, воспитанник 1-й гимназии, и предложил присоединиться к тайной организации, добывавшей оружие для отрядов, отправляемых к Л. Г. Корнилову на Дон. Бинецкому удалось достать у другого знакомого по гимназии, служившего в одном из украинских подразделений, две гранаты, заряженный карабин и бланки полковой рады. Некоторое время он все это прятал у себя дома, а затем отнес в конспиративное общежитие на Безаковской улице, где и передал офицеру, уезжавшему на Дон⁴⁷. К. Б. Ричардсон, дочь Бориса Соколова, рассказала нам со слов отца, что в их семейной усадьбе на Овручской улице находился склад оружия⁴⁸. По всей видимости, рассказ этот также относится к периоду рубежа 1917—1918 гг., когда члены ЮРСМ содействовали переправке офицеров в Добровольческую армию.

Занимался ЮРСМ и организацией публичных мероприятий — впрочем, не столько политического, сколько культурно-развлекательного характера. Так, например, «Киевлянин» напечатал объявление о концерт-бале, устраиваемом ЮРСМ 8 января 1918 г. в зале Купеческого собрания; в анонсе были обещаны выступления местных артистов и музыкантов, а также оркестра балалаечников, танцы при двух оркестрах духовой музыки, аукционы, игры и развлечения⁴⁹.

Взятие Киева большевиками, а затем немцами и украинцами заставляет ЮРСМ уйти в подполье и на несколько месяцев прекратить свою деятельность. После прихода к власти гетмана П. П. Скоропадского деятельность монархических организаций вновь стала легальной, чем не преминул воспользоваться и ЮРСМ. Летом 1918 г. организация Б. В. Соколова вступила в состав Монархического блока Украины, возглавлявшегося однофамильцем ее лидера — бывшим товарищем председателя Союза русского народа В. П. Соколовым⁵⁰. К этому времени

в руководстве организации произошли некоторые перестановки. Председателем Союза оставался Борис Соколов, товарищем председателя — его брат Владимир, секретарями стали учащийся Владимирского кадетского корпуса Всеволод Дмитриевич Шпиллер, впоследствии ставший священником, и председатель ученического совета старост 1-й гимназии Владимир Альфонсович Зиверт⁵¹. С весны и до середины лета 1918 г. ЮРСМ занимал две комнаты в пятикомнатной квартире известного инженера и археолога Александра Дмитриевича Эртеля, в прошлом члена Киевского Союза русского народа⁵². Вероятно, к этому же времени относится и попытка начать издание литературно-художественного сборника «На обломках», посвященного интересам учащейся молодежи. Сборник под редакцией Бориса Соколова должен был давать читателям литературно-художественный материал, а также статьи, посвященные вопросам школьной жизни, искусству, критике, библиографии, науке и спорту⁵³. Вероятно, дальше анонса дело не пошло — ни одного номера сборника нам обнаружить не удалось.

11 (24) июля 1918 г. ЮРСМ вместе с офицерами-гвардейцами организовал панихиду в память «в Бозе почившего, злодейски убиенного государя императора Николая Александровича», отслуженную в Софийском соборе епископом Каневским Василием (Богдашевским) и закончившуюся дракой с украинцами. «Стечение народа было так велико, как никогда не бывает даже на пасхальной заутрени. Кроме переполненного до крайних пределов храма толпы народа совершенно заполнили весь погост. Во время совершения панихиды все молящиеся стояли с горящими свечами; многие рыдали. Особенно тяжело было слышать рыдания женщин, — так описывал панихиду журналист, — После окончания панихиды на погосте храма произошло несколько столкновений отдельных групп, бывших на богослужении, со “щирыми” украинцами, явившимися на панихиду с несомненным намерением вызвать инциденты. Дело окончилось тем, что народ был силой оружия вытеснен из ограды храма на площадь, а оттуда разогнан нарядами конной милиции»⁵⁴. Вскоре после этого ЮРСМ был запрещен, а братья Соколовы арестованы⁵⁵. Вероятно, поводом стали как раз столкновения после панихиды по Николаю II, но основная причина запрета Союза была иной. Примерно в это же время гетманские власти произвели аресты ряда видных активистов украинских националистических организаций, и, очевидно, чтобы не злить украинскую общественность, и так недолюбливавшую гетмана, было решено нанести симметричный удар и по русским монархистам. Несмотря на это, вскоре Соколовы были вновь на свободе. Хотя никаких публичных акций ЮРСМ больше не проводил, его бывшие участники продолжали проявлять активность в индивидуальном порядке.

В ноябре-декабре 1918 г., во время наступления петлюровцев на Киев, некоторые действовавшие и бывшие участники ЮРСМ поступили в различные добровольческие дружины. В 1-й гимназии, являвшейся одним из источников кадров для ЮРСМ, расположился отдел дружины бойскаутов — в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» он превратится в мортирный дивизион⁵⁶. Гимназист Б.Н. Машталер, в 1917 г. участвовавший в монархической демонстрации, вспоминал, что из его

50 одноклассников около 35 записались в дружину «Наша Родина»⁵⁷. Владимир Зиверт, в ноябре 1918 г. из-за обострившихся отношений с руководством вышедший из правления Союза и в начале декабря передавший бумаги и кассу почетному члену ЮРСМ М. А. Эртель, жене А. Д. Эртеля, также записался в дружину «Наша Родина», но на фронт не попал из-за слабого здоровья⁵⁸. Старший сын В. В. Шульгина Василий, в 1917 г. принимавший участие в деятельности ЮРСМ, вступил в «Георгиевскую (Орденскую) дружину» и был убит в бою против петлюровцев 1 (14) декабря. Брошенные командиром, он и другие «орденцы» отказались оставить позиции и все до одного погибли, хотя к тому моменту сопротивление уже не имело никакого смысла⁵⁹. Вероятно, в какой-то дружине числились и братья Соколовы — вряд ли они могли остаться в стороне во время таких событий.

После занятия Киева петлюровцами, а затем и большевиками оставшиеся члены ЮРСМ вновь были вынуждены действовать нелегально. В мае 1919 г., после начала «красного террора», репрессии обрушились и на членов Союза. Владимира Соколова арестовали и расстреляли вместе с организаторами и участниками так называемого «Куреневского восстания». В списке казненных, опубликованном Всеукраинской ЧК, он был охарактеризован как «монархист и член съезда консервативных деятелей Украины в июле 1918 г., задержанный с винтовкой в руках и оказавший при этом сопротивление»⁶⁰. 17 (30) мая киевской губернской ЧК был арестован Владимир Зиверт. На допросе он сообщил, что до Рождества 1918 г. состоял в ЮРСМ, организации, «ставящей себе целью работу на оборону государства, борьбу против различных сепаратис[тских] течений и стремившуюся к достижению конституционной монархии», но теперь ни в каких политических организациях не участвует. 1 (14) июня 1919 г. Зиверт был освобожден из-под ареста⁶¹. Дальнейшая жизнь его сложится трагически: в 1929 г. его арестуют повторно и сошлют в Минусинский край, а в 1938 г. якобы за участие в «контрреволюционной фашистской организации церковников» расстреляют⁶². В июне 1919 г. был арестован и А. Д. Эртель, обвиненный в участии в монархических организациях и связях с ЮРСМ. На допросе Эртель сообщил, что ЮРСМ оказался в занимаемой им квартире во время его отсутствия, вернувшись же домой, он категорически потребовал удаления «молодежи». По его словам, Союз не заслуживал какого-либо внимания как политическая организация, поэтому он и не мог иметь к ней отношения. В конце концов ЮРСМ «под угрозой репрессий с моей стороны ушел, оставив, впрочем, у меня свою библиотеку»⁶³. Учитывая то, что жена Эртеля была почетным членом ЮРСМ, очевидно, что молодые монархисты оказались на квартире не просто так, поэтому и не стоит принимать его слова за чистую монету. Эртеля должны были расстрелять, но чекисты неожиданно решили освободить его под обязательство сконструировать необходимый им глушитель. Дальнейшая судьба ученого неизвестна.

Борис Соколов, видимо, все лето 1919 г. был вынужден скрываться от чекистов. Осенью, после прихода в Киев белых, он легализовался, но каких-то попыток восстановить ЮРСМ не предпринимал — по крайней мере, в газетах никакой информации об этом нет. В декабре 1919 г.

вместе с матерью Борис эвакуировался в Одессу, где его в приемном покое для сыпнотифозных встретила Е. Г. Шульгина: «Он также настойчиво требовал чего-то от докторов для привезенных им больных матери и сестры, как когда-то требовал от меня “конституционной монархии”. Войдя в покой, я наткнулась на скандал. Какой-то молодой человек так скандалил, что доктор кричал на него и выгонял, вроде как кричала когда-то я... Молодой человек стоял спиной ко мне, но я его узнала или, вернее, угадала интуитивно, и когда, подойдя к нему и дотронувшись до его плеча, убедилась, что это действительно Борис Соколов, я сказала: “Ну ясно, что, кроме вас, никто не мог так scandalить!..” Он мне страшно обрадовался, и на этот раз мне ничего не стоило призвать его к терпению и приличию в своих требованиях»⁶⁴.

В начале 1920 г. Борис Соколов вместе с семьей выехал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, учился в Белградском университете, принимал участие в русском студенческом движении⁶⁵. О том, как сложилась его дальнейшая судьба, можно узнать из написанного им летом 1925 г. письма В. В. Шульгину, из которого следует, что он некоторое время жил в Сремских Карловцах, а затем выехал в город Хрватска-Костайница, но вопрос о его переводе в местную гимназию оставался открытым. Так как занятия еще не начались, он занимался «изучением местных нравов». Кроме того, Шульгин пообещал передать стихи Соколова П. Б. Струве в парижское «Возрождение», и в связи с этим Борис просил прислать номера газеты для себя и для мамы, если его творения будут напечатаны⁶⁶. Несколькими месяцами ранее стихи Соколова были напечатаны — возможно, также не без содействия Шульгина — в сборнике «Благовест»: «Когда под гнетом дум печальных и тревожных // О судьбах Родины измученной моей, // Не в силах я найти залогов непреложных // Ее спасения в позоре наших дней, // Туда, к векам былым я обращаю взоры, // Их сокровенный смысл я прозреваю вновь; // Слезу борения, невзгоды и раздоры, // И брани тяжкие, и глад, и мор, и кровь. // Терзали Русь не раз: и земская разруха, // И самозванщина, и бунты, и раскол, // И вражьи полчища, но не сломили духа, // И силы новые народ наш в них обрел. // И снова, как и встарь, взамен побед и славы // Годины тяжкие шатания пришли // И воровскую власть, раздор слепой, кровавый, // И глад, и мор, и смерть с собою принесли. // Но твердо верю я, что сгинет наважденье, // Россия, как и встарь, стряхнет позор оков // И созовет всех нас на праздник Воскресенья // Широкий благовест родных колоколов»⁶⁷.

Некоторое время Соколов проработал в гимназии в Хорватии, затем, заболев туберкулезом, был переведен в словенский город Марибор. В годы Второй мировой войны он был связан с партизанами, в 1945 г. вернулся в свою гимназию. Победа СССР над нацистской Германией, очевидно, частично примирила Соколова с большевиками. В 1945 г. он написал стихотворение «Третий Рим», в котором были такие строки: «История вопрос вторично разрешила: // Незыблем третий Рим — и этот Рим — Москва. // Четвертому не быть. Повергнут в прах Аттила. // А там, где был Берлин, теперь растет трава. // Напрасно мнили в сталь закованные гунны // В безмерной жадности народ наш покорить, // Напрасно древние читать пытались руны, // Судьбы историю не им

дано вершить»⁶⁸. Много работая, он окончательно подорвал свое здоровье и в 1953 г. был вынужден выйти в отставку. Умер Борис Соколов в 1959 году⁶⁹. Жена его, Ана Соколова (урожденная Куковец) пережила мужа на 31 год. Их дочь, Ксения Борисовна Ричардсон, живет в Хорватии и Австрии, другие родственники Соколова перебрались в США. На могиле бывшего лидера киевских гимназистов-монархистов, находящейся в хорватском городе Опатия, выбита цитата из одного из его стихотворений: «О, Родина, ты далека», и именно под таким названием в 2015 г. в Новосибирске небольшим тиражом был напечатан сборник его поэзии и публицистики.

Изучая историю Южно-Русского союза молодежи, невозможно не обратить внимания на то, насколько его участники — патриотически и монархически настроенная молодежь Киева, готовая защищать свой родной город и Россию, выступающая против украинского сепаратизма, — искренняя и активная, но не осознающая грозящих ей опасностей, напоминают некоторых персонажей «Белой гвардии» М. А. Булгакова. Сам писатель вряд ли знал Соколова и его соратников — слишком большая между ними была разница в возрасте, да и к тому же Михаил Афанасьевич не принимал активного участия в политической жизни. Впрочем, он мог что-то слышать про юных монархистов из ЮРСМ, а также про бой, принятый «орденцами», от своего младшего брата Николая, ставшего прототипом Николки Турбина. Николай Булгаков окончил 1-ю киевскую гимназию весной 1917 г., тогда же, когда и Василиид Шульгин. Вероятно, они учились в параллельных классах и поэтому должны были быть знакомы. В декабре 1918 г. Николай записался в одну из дружин, попал в плен к петлюровцам, был ранен во время взрыва в Педагогическом музее, в котором под охраной содержались плененные добровольцы. В списке раненых вместе с младшим Булгаковым указаны некие Соколов и Лебедев⁷⁰. Речь вполне может идти о членах ЮРСМ, хотя утверждать это со всей уверенностью не представляется возможным из-за широкой распространенности данных фамилий. Но даже если Булгаков ничего не знал про ЮРСМ, остается только поражаться, насколько точно писатель смог передать обстановку тех смутных дней и умонастроений русской молодежи Киева.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20—09—00414 «“Богдановцы против мазепинцев”: русское движение Киева в 1917—1919 гг.»

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20—09—00414.

1. КАЛЬЧЕНКО Т. В. Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904—1919). Историческая энциклопедия. Киев. 2014, с. 549—553.
2. ЧЕМАКИН А. А. «Безрассудно смелая и безрассудно глупая проделка»: «Монархическая демонстрация» киевских гимназистов 30 апреля 1917 г. — Живая история. 2017. № 3, с. 18—24; МАШКЕВИЧ С. Киев 1917—1920. Т. 1. Прощание с империей. Харьков. 2019, с. 64—67.
3. [Передовая статья]. — Свободная школа. 1917, 21 марта, № 1, с. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-6562, оп. 1, д. 1, л. 7—7об.

5. НОСОВ Н.Н. Тайна на дне колодца. Повесть. М. 1978, с. 82.
6. КАЛЬНИЦКИЙ М. Гимназии и гимназисты. Киев. 2014, с. 182.
7. ГА РФ, ф. Р-6562, оп. 1, д. 1, л. 24об.—25.
8. УЛЬЯНОВСКИЙ В. Три «лики» Миколи Стороженка: «малоросійство» — «російство» — «українство». В кн.: СТОРОЖЕНКО М. 3 мого життя. Київ. 2005, с. 6, 79, 81; КАЛЬНИЦКИЙ М. Ук. соч., с. 138, 178.
9. ШУЛЬГИНА Е.Г. Конспект моих политических переживаний (1903—1922). М. 2019, с. 204.
10. ГА РФ, ф. Р-6562, оп. 1, д. 1, л. 25об.—26об.
11. ШУЛЬГИНА Е.Г. Ук. соч., с. 195.
12. Личный архив А.А. Чемакина. Письма К.Б. Ричардсон от 6 и 10 апреля 2018 г.
13. Государственный архив г. Киева (ГА К), ф. 185, оп. 1, д. 788, л. 1, 3, 10—10об., 13, 14—15, 17—19об.
14. Там же, л. 7—7об.
15. В Киеве. Темные силы. — Утро России. 1917. 17 мая, № 121, с. 1.
16. События в Киеве 30-го апреля (Доклад начальника милиции гор. Киева Исполнительному комитету). — Известия Исполнительного комитета Киевского Совета объединенных общественных организаций. 1917, 2 мая, № 13, с. 1.
17. ШУЛЬГИНА Е.Г. Ук. соч., с. 195—196.
18. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины), ф. 263, оп. 1, д. 40 240, л. 25, 37, 57; Южно-русский союз молодежи. — Киевлянин. 1917, 24 апреля, № 101, с. 2.
19. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40 240, л. 46.
20. Южно-русский союз молодежи. — Киевлянин. 1917, 26 апреля, № 103, с. 2.
21. Собрания. — Киевлянин. 1917, 29 апреля, № 106, с. 3.
22. Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки (ЦСПИ ГПИБ), коробка «Киев 1917—1926 гг.», листовка «Воззвание! В воскресенье 30 апреля...»
23. В Киеве. Темные силы. — Утро России. 1917, 17 мая, № 121, с. 1.
24. А. Л-АУ. Вчерашняя манифестация. — Последние новости. 1917, 1 мая, № 4460, с. 3.
25. Manifestacye uczącej się młodzieży rosyjskiej. — Dziennik Kijowski. 1917, 2 (15) maja, № 110, s. 3.
26. Манифестация русской учащейся молодежи. — Киевлянин. 1917, 2 мая, № 108, с. 1; Манифестация «русских учащихся». — Киевская мысль. 1917, 2 мая, № 111, с. 1—2; События в Киеве 30-го апреля. — Известия Исполнительного комитета Киевского Совета объединенных общественных организаций. 1917, 2 мая, № 13, с. 1—2.
27. Резолюция. — Южная копейка. 1917, 2 мая, № 2295, с. 3.
28. Борьба с контрреволюцией. — Голос социал-демократа. 1917, 5 мая, № 20, с. 2.
29. Где вдохновители? — Знамя труда. 1917, 2 мая, № 33, с. 2.
30. ШУЛЬГИНА Е.Г. Ук. соч., с. 214.
31. ШУЛЬГИН В. [Передовая статья] (По телеграфу из Петрограда). — Киевлянин. 1917, 9 мая, № 114, с. 2.
32. В Киеве. Темные силы. — Утро России. 1917, 17 мая, № 121, с. 1.
33. ГА К, ф. 185, оп. 1, д. 788, л. 5—5об.
34. Южно-Русск. союз молодежи. — Киевлянин. 1917, 26 мая, № 126, с. 1.
35. Собрания. — Киевлянин. 1917, 21 июня, № 148, с. 3; Собрания. — Там же. 1917, 28 июня, № 154, с. 3; Южно-Русский союз молодежи. — Там же. 1917, 12 июля, № 165, с. 1; Собрания. — Там же. 1917, 18 октября, № 243, с. 2.
36. Южно-русский союз молодежи. — Киевлянин. 1917, 22 октября, № 247, с. 2; Собрания. — Там же. 1917, 28 октября, № 252, с. 3.
37. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40 240, л. 47, 52—52об., 56об.—57об.
38. КАЛЬЧЕНКО Т.В. Ук. соч., с. 550.
39. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40 240, л. 30—30об.
40. Там же, л. 34, 35, 48, 49.
41. Там же, л. 55.
42. Там же, л. 54.

43. Против насильственной украинизации Южной Руси. — Киевлянин. 1917, 4 августа, № 185, с. 2.
44. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40240, л. 19—19об.
45. ЧЕМАКИН А. А. Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917—1919). — Российская история. 2019. № 5, с. 132—158.
46. ГА РФ, ф. Р-6562, оп. 1, д. 1, л. 51—52.
47. Там же, л. 58об.—62об.
48. Личный архив А. А. Чемакина. Письмо К. Б. Ричардсон от 10 апреля 2018 г.
49. Концерт-бал. — Киевлянин. 1918, 4 января, № 3, с. 1.
50. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), ф. 4401, оп. 1, д. 1, л. 1; Hoover Institution Archives (HIA). P.N. Vranghel collection. Box 41, folder 5. Отчет о состоянии правых и монархических организаций и разделение их по ориентациям в городе Киеве по сегодняшнее число 25 октября 1918 г.
51. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40240, л. 4об.
52. КАЛЬЧЕНКО Т. В. Ук. соч., с. 545—549.
53. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40240, л. 24.
54. Южно-Русский союз молодежи извещает. — Голос Киева. 1918, 24 июля, № 62, с. 1; Панихида по отрешенному от престола императоре Николае II. — Голос Киева. 1918, 25 июля, № 63, с. 2.
55. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40240, л. 4—4об.
56. ТИНЧЕНКО Я. Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев-Львов, 1997, с. 36—41.
57. Архивное собрание Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына (АС ДРЗ), ф. 1, оп. 1, д. Е-62, л. 29.
58. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40240, л. 4об.
59. Гибель сына В. В. Шульгина. — Последние новости. 1918, 21 (8) декабря, № 5349, с. 3; ШУЛЬГИНА Е. Г. Ук. соч., с. 313—357.
60. Расстрел контрреволюционеров. — Большевик. 1919, 10 мая, № 24, с. 3.
61. ЦГАОО Украины, ф. 263, оп. 1, д. 40240, л. 3, 4—4об., 6—7.
62. КАЛЬЧЕНКО Т. В. Ук. соч., с. 164—165.
63. Там же, с. 549.
64. ШУЛЬГИНА Е. Г. Ук. соч., с. 196.
65. СУХАРЕВ Ю. Н. Материалы к истории русского научного зарубежья. Книга первая. М. 2002, с. 451—452.
66. ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 186, л. 1—2.
67. СОКОЛОВ Б. [Без названия]. — Благовест. Сборник № 1 Русской Матицы. Новый Сад. 1925, с. 18.
68. Личный архив К. Б. Ричардсон. СОКОЛОВ Б. В. Стихотворение «Третий Рим» (1945).
69. Предисловие. В кн.: СОКОЛОВ-ДОМКИНСКИЙ Б. В. О, Родина, ты далека. Новосибирск. 2015, с. 5.
70. Жертвы взрыва. — Трибуна. 1918, 29 грудня, № 10, с. 3.